

— Хм, Сяогуан, я уже обдумал всё, о чём ты говоришь. Если это поможет отомстить за братьев Хранителей и Вэй Чэня, мне всё равно, чем я стану в итоге. Кроме того, они погибли косвенно из-за меня, и я не могу просто спокойно жить дальше.

Поскольку Чжао Хунгуан был с ним настолько откровенен, Хань Цзюнь тоже не стал скрывать своих мыслей. По крайней мере, он хотел, чтобы Чжао Хунгуан понял: его действия не направлены на подрыв интересов Тауэр-зоны и носителей способностей.

— А ты думал о Вэй Чэне и своих братьях? Разве они хотели бы, чтобы ты шёл на верную гибель? — Чжао Хунгуан, встревоженный, резко поднялся с места.

Хань Цзюнь лишь слегка приподнял бровь, и в его взгляде мелькнула редкая для него надменность.

— Убить меня? Это не так-то просто. Я не иду на смерть, я иду, чтобы отправить на тот свет тех мерзавцев, которые залили кровью моих братьев и любимого человека.

Чжао Хунгуан с восхищением смотрел на гордого Хань Цзюня. Эта уверенность делала его невероятно привлекательным.

Но вскоре восхищение сменилось тревогой, ведь слова Хань Цзюня явно несли в себе угрозу.

— Дядя Хань, ты, как Страж и бывший лидер Хранителей, наверняка понимаешь, насколько важно для воина соблюдать правила и приказы. Я обещаю тебе, что через год, если твоё состояние стабилизируется, я готов сопровождать тебя в любых твоих делах. Но сейчас это невозможно. Если твоё состояние ухудшится, не говоря уже о мести за Вэй Чэня, ты можешь быть почётно казнён своими же за рецидив безумия! Такие последствия ни ты, ни я, ни Тауэр-зона не смогут вынести. Поэтому я не позволю тебе действовать на своё усмотрение.

Хань Цзюнь с досадой почесал ухо, чувствуя, будто вернулся в Академию Стражей. Он поступил туда уже в подростковом возрасте, позже большинства своих сверстников, которые с ранних лет обучались дисциплине. Его наставник часто ругал его за непокорность, и, хотя сейчас Хань Цзюнь понимал, что те слова были справедливы, в то время он просто не хотел их слушать.

— Ты что, учить меня собрался?

— В общем, дядя, ты больше не должен самовольно уходить. И, пожалуйста, верни трекер на место. Я боюсь, что Чёрная Башня может прислать проверку.

Благодаря ингибитору Чжао Хунгуан наконец успокоился и, взяв на себя роль опекуна, строго запретил Хань Цзюню действовать без разрешения.

Хань Цзюнь с обречённостью вздохнул. Он заметил, что упрямство Чжао Хунгуана напоминало ему Вэй Чэня, и, как всегда, он первым сдавался.

Возможно, есть и другие способы продолжить расследование, и то, что Чжао Хунгуан знает его планы, не так уж плохо. Может быть, он даже сможет использовать его как прикрытие. Хань Цзюнь не был тем, кто легко сдаётся, но под пристальным взглядом Чжао Хунгуана он мог только покорно кивнуть.

— Ладно, я послушаюсь тебя. Но... если это не нарушает правил, я хочу продолжить расследование. Я должен выяснить, кто стоит за всем этим, чтобы через год я мог лично отправить его на тот свет.

Хань Цзюнь усмехнулся, и в его глазах загорелся зловещий огонёк. Он ни за что не отпустит того, кто использовал его, чтобы навредить Вэй Чэню и его братьям. Кем бы он ни был, он найдёт его и пронзит его сердце боевым клинком.

Чжао Хунгуан испугался этого зловещего выражения лица Хань Цзюня и даже начал сожалеть, что осмелился так с ним разговаривать. Он подумал, не разозлится ли дядя Хань настолько, что перестанет считаться с родственными узами? В лучшем случае он ошциплет Пухляша, а в худшем — прикончит его самого.

Самое обидное было в том, что до этого Хань Цзюнь даже не удостоил его внимания.

Дождь шёл всю ночь.

Хань Цзюнь, отказавшийся от транквилизатора, не мог заснуть. Он сидел в тёмной спальне, и только тлеющий окурок в его руках слабо светился в темноте.

Бывший Верховный Страж, сгорбившись, сидел на кровати, вокруг него валялись окурки. Время от времени он поднимал голову и смотрел, как дождь стекает по окну, окутывая внешний мир дымкой. Его собственное ментальное море уже давно погрузилось в туман.

Услышав от Сюй Аня правду, которую он боялся признать даже самому себе, Хань Цзюнь почувствовал, что провалился в ад.

Его ментальный бастион, хоть и укрепился благодаря Чжао Хунгуану, не рухнул, но его сердце уже разбилось на куски.

— Байху, неужели я действительно причинил вред Вэй Чэню?

Хань Цзюнь взглянул на Белого тигра, лежащего на полу у кровати. Этот духовный зверь, едва восстановивший свои размеры, выглядел уныло из-за подавленного состояния хозяина.

— У-у...

Услышав зов хозяина, Белый тигр лениво вильнул хвостом, поднялся и подошёл к Хань Цзюню, ласково лизнув его руку. Как духовное существо, отражающее состояние хозяина, он мог лишь так утешить его. Но ответа на вопрос о том, что произошло с Вэй Чэнем, он дать не мог.

— Чиу!

С радостным щебетанием дверь спальни открылась.

Услышав птичий крик, Белый тигр тут же спрятался за спину хозяина. На его боку уже заметно поредела шерсть.

Чжао Хунгуан, отдохнув за ночь, наконец пришёл в себя. Первым делом он поспешил проверить, на месте ли Хань Цзюнь. Он боялся, что тот мог сбежать и больше не вернуться.

— Братец, я пришёл проведать тебя. Ты ещё не спал?

Чжао Хунгуан, собравшись с духом, поздоровался с Хань Цзюнем. Когда перед тобой человек, которого ты пытался соблазнить на телесное слияние, но был отвергнут, действительно требуется немало смелости.

Естественные инстинкты — это человеческая природа, но стыд — это чувство, возникшее в процессе эволюции для самоконтроля.

Чжао Хунгуан, стремясь к раскрепощению, получил мощный удар по своему самолюбию.

Он прекрасно помнил, что произошло. Лихорадка слияния превратила его в совершенно другого человека. Возможно, это и был его истинный облик.

— Сяогуан, ты проснулся?

Хань Цзюнь медленно выпрямился и привычно улыбнулся, хотя его улыбка выглядела усталой.

— Угу. Без транквилизатора ты не можешь уснуть, да?

Чжао Хунгуан включил свет в спальне и сел на кровать. Тут же он заметил трекер на прикроватной тумбочке, на котором остались следы крови.

— В Чёрной Башне я слишком много спал, так что теперь могу и немного пободрствовать.

Хань Цзюнь, вернувшись в комнату, переоделся в длинный чёрный халат, который когда-то купил ему Вэй Чэнь. Он всегда не любил его за сходство с формой и редко надевал. Даже сейчас, надев халат, он не застегнул его как следует, и, когда встал, случайно обнажился.

— Не волнуйся, я верну трекер на место.

Хань Цзюнь взял трекер с тумбочки, зная, что Чжао Хунгуан всё равно не сможет полностью ему доверять. И он сам виноват в этом.

Хотя Чжао Хунгуан пришёл в основном из заботы, трекер тоже был одним из его главных беспокойств.

Тауэр-зона, доверяя Хань Цзюню, предоставила ему определённую свободу. Если они обнаружат, что он предал это доверие, их действия будут куда серьёзнее, чем просто слова.

— Чиу.

Пухляш, которого Хань Цзюнь накануне гладил по голове, теперь испытывал страх перед этим всегда спокойным мужчиной. Хотя птица смотрела на обнажённое место Хань Цзюня и даже хотела утащить пару блестящих волосков для своего гнезда, мысль о возможной потере собственных перьев заставила её смиренно сидеть на плече Чжао Хунгуана, недовольно склонив голову набок. И, опасаясь Хань Цзюня, Пухляш сегодня даже не стал дразнить Белого тигра.

<http://bllate.org/book/15254/1345189>